

Чжан Бинкунь, конечно, не собирался оставлять это дело без внимания. На палубе было всего десять человек, и найти убийцу не составило бы труда. После того как Чжан Бинкунь заявил, что не сдвинется с места, пока виновный не будет найден, эти десять человек начали ссориться между собой. Вскоре все взгляды устремились на молчаливого А Линя.

— Это не я, не я! Почему вы говорите, что это я? — кричал А Линь.

Чжан Бинкунь холодно наблюдал за его нервным поведением, на лице его мелькнула усмешка. Проведя столько лет на корабле, он видел всяких людей, и такой тип не мог ускользнуть от его внимания.

— Трус, бросил жену и ребёнка, а теперь сваливаешь вину на других. Просто отвратительно!

Чжан Бинкунь быстро понял мотив А Линя и холодно произнёс это.

Лицо А Линя исказилось от гнева.

— Врёшь! Я не бросал Юэ'э и А Бао! Это они украли моё место! Я мог бы уехать давно, но ждал два года, целых два года, чтобы уехать вместе с ними!

Чжан Бинкунь видел слишком много таких лицемерных мужчин. В момент расставания они клянутся в вечной любви, но, оказавшись в Сянцзяне, мало кто возвращается за своими жёнами. Большинство просто бросают их и создают новые семьи.

— По старинке, — холодно сказал Чжан Бинкунь.

А Да и А Эр кивнули, достали длинную верёвку из трюма, привязали один конец к корме, а другой — к А Линю.

— Что... что вы делаете?!

А Линь задрожал от страха.

А Да и А Эр молча выполнили приказ. А Да шагнул вперёд, сильными руками поднял А Линя и понёс его к корме. На глазах у всех он с силой бросил его за борт.

— По старинке. Если доберёшься до берега живым, считай, что тебе повезло. Если умрёшь, значит, ты сам накопил слишком много грехов, и небеса решили тебя наказать.

А Да стоял на корме и медленно произнёс эти слова.

Моторная джонка снова двинулась в путь и к часу ночи прибыла к причалу Дундаокоу.

— Идите на запад, там железная дорога. Вдоль неё расположены самые оживлённые районы Сянцзяна: Синьцзе, Цзюлун и до самого острова Сянцзян. Удачи вам.

Чжан Бинкунь сказал это и, не оглядываясь, вернулся в каюту.

*

Особняк семьи Лян в Баньшане

— Не может быть! Мой брат не мог оставить такое завещание, это подделка! — кричала ухоженная женщина из высшего общества.

— Простите, мисс Лян. Это завещание уже заверено, на нём стоят подписи господина Ляна, госпожи Лян и господина старейшины Ляна. Его юридическая сила неоспорима.

В зале семьи Лян собралось семь-восемь человек. Адвокат семьи Лян, Чэн Сяньфэн, сидел в центре, а по бокам от него — представители боковых ветвей семьи и команда профессиональных управляющих, отвечающих за бизнес Лянов.

Услышав завещание, лица обеих сторон исказились. Они боролись семь-восемь лет, а в итоге оказалось, что даже если они будут бороться до смерти, всё равно ничего не получают. Это ощущение было просто унижительным.

— Пожалуйста, подтвердите, господа Лян и мисс Лян, что, как только будет установлена смерть молодого господина Ляна, всё имущество семьи автоматически перейдёт в инвестиционный фонд SEC.

— Нет! Сяочжэ удачлив, он не мог умереть! Он жив! — громко заявила Лян Хуэйин.

Лян Хуэйдун и Лян Хуэйцзэ тоже заговорили:

— Похитители, вероятно, хотят только денег. В Сянцзяне ещё никто не осмелился тронуть нашу семью!

— Да, молодой господин Лян родился под счастливой звездой, с ним точно ничего не случится!
— улыбаясь, сказал Сюй Юаньдун, генеральный менеджер корпорации «Лян» и глава команды профессиональных управляющих, ведущих дела этого гиганта.

В гостиной царил гармония, и ничто не напоминало о том, что полчаса назад две стороны яростно спорили о разделе имущества семьи Лян.

Чэн Сяньфэн опустил голову, положив завещание в папку, и на его лице появилась насмешливая улыбка. Он был уверен, что исчезновение молодого господина Ляна не обошлось без участия этих двух сторон.

Как адвокат семьи Лян, он всё понимал. Семья Лян была гигантом, но после того, как ядро руководства погибло в авиакатастрофе, она стала напоминать стареющего льва, постепенно теряющего своё влияние в высших кругах Сянцзяна.

Это произошло не из-за упадка семьи. Под руководством Сюй Юаньдуна и его команды корпорация «Лян» не только сохранила свои позиции, но и продолжала стабильно развиваться. С ростом рынка недвижимости в Сянцзяне, как крупнейший землевладелец, «Лян» получил самый жирный кусок.

Однако управляющие имели свои интересы, и часть прибыли утекала на сторону, обогащая чужаков.

Главной причиной потери влияния семьи Лян было отсутствие наследников. В высшем обществе Сянцзяна все крупные корпорации были семейными. Семья Бао, семья Хо... Сюй Юаньдун, как профессиональный управляющий, хотя и имел реальную власть в «Лян», для этих аристократов был всего лишь наёмным работником. С ними не имело смысла общаться, минуя хозяев.

Лян Хуэйин, Лян Хуэйдун и Лян Хуэйцзэ, хотя и назывались представителями боковых ветвей семьи, даже не были внесены в семейное древо. Эти трое были детьми младшего брата

господина старейшины Ляна, то есть дяди Лян Чжэ, и происходили не от первой жены, а от второй, третьей и четвёртой.

В 80-е годы в высшем обществе Сянцзяна «многожёнство» было обычным делом, но только дети от первой жены могли наследовать семейный бизнес. Остальным выделяли недвижимость и дивиденды, что для обычных людей было огромным состоянием, но для аристократов — каплей в море. Поэтому настоящие главы семей не общались с этими «Лянами», которые, хотя и носили фамилию, не имели реального веса.

Когда семья Лян отправилась инспектировать свои индийские активы, эти трое не имели права подняться на борт самолёта и таким образом избежали катастрофы. Теперь же, считая себя единственными «Лянами» после Лян Чжэ, они объединились и всеми силами пытались отобрать корпорацию у «чужаков».

Однако у Сюй Юаньдуна была доверенность, подписанная супругами Лян, согласно которой до достижения Лян Чжэ 18 лет или до его явного выражения желания возглавить корпорацию, никто не мог вмешиваться в управление.

Одна сторона опиралась на кровные узы, другая — на доверенность, и обе сражались с энтузиазмом. Даже в таблоидах Сянцзяна часто появлялись заметки о представителях семьи Лян, особенно о тётушке Лян, которая не раз публично осуждала управляющих за «предательство хозяев». Она даже не задумывалась, что сама не имеет права называть себя хозяйкой, и стала посмешищем в аристократических кругах.

Что касается Лян Чжэ, обе стороны неоднократно пытались повлиять на него. Лян Чжэ был единственным прямым наследником семьи Лян и законным преемником всего семейного бизнеса. Его право наследования было исключительным и единственным. Во всех документах семьи Лян неоднократно упоминалось, что, как только Лян Чжэ выразит желание взять управление в свои руки, действующая доверенность автоматически аннулируется, и ни один человек или группа не может препятствовать его законному праву на управление.

Лян Хуэйин и другие хотели, чтобы Лян Чжэ сначала взял управление, а они, как его ближайшие родственники, могли бы выступать в роли опекунов и вмешиваться в дела корпорации. Сюй Юаньдун же надеялся, что Лян Чжэ продлит доверенность, чтобы его команда могла продолжать управлять корпорацией после его совершеннолетия.

Перед этими двумя сторонами Лян Чжэ всегда вёл себя одинаково: не слушал, не говорил, не вмешивался. Сколько бы они ни пытались до него достучаться, он оставался равнодушным. Иногда он мог бросить одно слово, и это уже считалось большой удачей.

Каждый раз, когда одна из сторон оказывалась в безвыходном положении, они приходили к Лян Чжэ и начинали плакать. Тогда он мог сказать пару слов. Сюй Юаньдун не раз задавался вопросом, не играет ли молодой господин Лян в «спящего тигра», балансируя между сторонами. Однако полгода назад психолог Лян Чжэ представил отчёт, в котором говорилось, что у молодого господина Лян лёгкая депрессия и склонность к аутизму.

Авторское примечание:

Ли Чжэн: Малыш, ты немой или глухой? Почему ты всё время молчишь!

Лян Чжэ: Я старше тебя.

Ли Чжэн: ...

<http://bllate.org/book/17704/1653433>